

Научная статья / Research Article

УДК 271.2(091) (571.1)"16/19"

DOI: 10.36718/2500-1825-2025-4-246-258

Елена Александровна Шушканова

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика

М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия

shushkanovae@yandex.ru

РАПОРТЫ БЛАГОЧИННЫХ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ О СОСТОЯНИИ СЕЛЬСКОЙ ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

Цель данного исследования: ввести в оборот новые архивные материалы по указанным проблемам, обобщить имеющиеся свидетельства благочинных, проанализировать тему состояния сельской приходской Российской империи. Рассматриваются рапорты и отчеты благочинных Русской православной церкви о состоянии епархиальной жизни в волостях Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Данный исторический источник представляет огромный интерес с точки зрения реконструкции жизни Церкви и российской деревни, так как благочиния выполняли посредническую функцию между епархиальными властями (а отчасти гражданскими) и преимущественно сельскими общинами, объединенными в православный приход. Высокая аутентичность информации в рапортах и отчетах благочинных определяется тем, что она формировалась на основе непосредственных и регулярных ревизионных поездок по вверенной им территории. В ходе так называемых «объездов» благочинные проверяли состояние храмов, ведение церковного делопроизводства, а также собирали уникальную информацию о взаимоотношениях внутри церковной корпорации и религиозно-нравственном состоянии прихожан. Особый интерес представляют сведения о религиозности крестьянства, ибо исторические источники для изучения данной проблемы крайне ограничены. Отчеты благочинных отразили проблемы и тенденции в развитии России в сложный исторический период, который характеризовался разложением традиционного общества, что неизбежно вело к трансформации церковной жизни.

Ключевые слова: Енисейская губерния, благочиния Русской православной церкви, сельский приход, духовенство, крестьяне, религиозно-нравственное состояние общества

Для цитирования: Шушканова Е.А. Рапорты благочинных Енисейской губернии о состоянии сельской приходской жизни второй половины XIX – начала XX в. // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 246–258. DOI: 10.36718/2500-1825-2025-4-246-258.

Elena Aleksandrovna Shushkanova

M.F. Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russia
shushkanovae@yandex.ru

**REPORTS OF THE DEANS OF YENISEI PROVINCE ON THE STATE
OF RURAL PARISH LIFE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY –
EARLY XX CENTURY**

This paper examines reports and accounts by deans of the Russian Orthodox Church on the state of diocesan life in the volosts (districts) of Yenisei Province in the second half of the 19th and early 20th centuries. This historical source is of great interest for reconstructing the life of the Church and the Russian village, as deaneries served as intermediaries between diocesan authorities (and, to some extent, civil authorities) and the predominantly rural communities united in the Orthodox parish. The high level of authenticity of the information in the deans' reports and accounts is determined by the fact that it was compiled on the basis of direct and regular audit visits throughout the territory entrusted to them. During these so-called "tours," deans inspected the condition of churches and the management of church records, and also collected unique information on the relationships within the church corporation and the religious and moral state of parishioners. Information on the religiosity of the peasantry is of particular interest, as historical sources for studying this issue are extremely limited. The deans' reports reflected the problems and trends in Russia's development during a complex historical period characterized by the disintegration of traditional society, which inevitably led to the transformation of church life. The purpose of this study is to introduce new archival materials on these issues, summarize existing deans' testimonies, and analyze the state of rural parishes in the Russian Empire.

Keywords: Yenisei Province, deaneries of the Russian Orthodox Church, rural parish, clergy, peasants, religious and moral state of society.

For citation: Shishkanova E.A. Reports of the deans of Yenisei province on the state of rural parish life in the second half of the XIX century – early XX century // Socio-economic and humanitarian journal. 2025. № 4. P. 246–258. (In Russ.). DOI: 10.36718/2500-1825-2025-4-246-258.

Введение. Благочинием в Русской православной церкви именуется часть епархии, объединяющая группу приходов, находящихся в территориальной близости друг от друга. После создания самостоятельной Енисейской епархии в 1861 г. на ее территории к 1863 г. было сформировано 17 благочинных округов, которые в большинстве своем охватывали сельские приходы. Во главе каждого округа епископ назначал благочинного, целью которого было, во-первых, управление церковной жизнью на местах; во-вторых, регулярное информирование о состоянии дел на приходах правящему архиерею. Вследствие этого рапорты благочинных являются

ценнейшим источником для реконструкции истории сельской приходской жизни в Российской империи. И при этом, на наш взгляд, источником, недооцененным в историографии.

Высокая достоверность информации, которая поступала от благочиний, определяется тем, что она основывалась на регулярных личных ревизионных поездках благочинных по своему участку. Кроме того, строгой типовой формы для рапортов и отчетов благочинных не существовало, поэтому в целом они лишены бюрократического штампа и характеризуются живым, а порой весьма откровенным стилем изложения. Хотя, как свидетельствуют авторы, изучающие

данный источниковый пласт, «в разное время и в разных местностях содержание отчетов благочинных могло иметь свою специфику» [1]. И это также представляет интерес с точки зрения определения региональных особенностей церковной жизни. Видеть историю России исключительно в вертикальном разрезе значило бы упрощать реальную картину: общественная жизнь России (включая и церковную организацию), с учетом огромности территории, была представлена непохожими как экономическими, так и социокультурными сегментами.

Цель исследования – анализ рапортов, отчетов и журналов благочинных с точки зрения осмысления наиболее важных проблем жизни сельских православных приходов Енисейской губернии в царской России. Ключевой из этих проблем представляется, на наш взгляд, тема религиозности сибирского крестьянства. Православная церковь в силу исторических особенностей являлась в России элементом государственного механизма. Соответственно присутствует не вполне решенный вопрос: почему Церковь, которая воспринималась монархической властью в качестве несущей опоры государственности, не удержала ее от разрушения в 1917 г.

Хронологические рамки исследования охватывают 1861–1917 гг., т. е. время существования Енисейской епархии в границах Российской империи.

Материалы и методы. Источниковой базой исследования стали документы фондов Красноярского государственного архива Красноярского края (ГАКК): прежде всего Енисейской духовной Консистории, в которую поступали отчеты и рапорты благочинных, а также фонды отдельных благочиний. В качестве корреляции указанных источников используются исследования по истории сельских храмов, в частности Барабановской церкви Красноярского уезда [2].

Использование документов благочиний в качестве реконструкции сельской приходской жизни Русской православной церкви представляется весьма

перспективным вследствие того, что институт благочиний в Енисейской губернии не был формальным органом церковной организации ни с точки зрения влияния на повседневную церковную жизнь, ни с точки зрения неизбежной бюрократической составляющей этого церковного звена. Нарастающая с начала синодального периода бюрократизация представляла серьезную проблему церковной организации, которая тревожила в том числе отдельных представителей правительства. С.Ю. Витте, будучи председателем Комитета министров России, в аналитической записке «О современном положении Православной церкви», написанной в 1905 г., констатировал, что «в настоящее время наше церковное управление носит замкнутый канцелярский характер; иерархия сносится с народом чрез посредство бумаг, редко входя в непосредственное живое общение» [3].

Эта характеристика менее всего распространялась на благочинных. Тем более что с определенного времени они не назначались, а избирались. Во второй половине XIX в., после длительного периода господства поместно-крепостнической системы, в российское общество стало возвращаться выборное начало, наиболее ярко воплотившееся в земской реформе Александра II. Хотя Сибирь этого начала не теряла, так как в отличие от европейской России не имела помещичьего землевладения, а развивалась по пути общинного самоуправления. Тем не менее разрушение крепостнической системы оказало влияние и на церковную власть: в конце 1860-х – начале 1870-х гг. епископы по указанию Св. Синода стали предоставлять духовенству возможность избирать благочинных на своих съездах. Судя по большому количеству сохранившихся баллотировочных актов, выборы проходили не номинально. Документы также показывают, что выборы благочинных были конкурентными, порою очень жаркими, и сопровождались открытой внутрикорпоративной борьбой.

Результаты и их обсуждение.

Анализ архивных материалов благочиний свидетельствует, что их должностные обязанности были столь широки, что только перечисление их заняло бы целую страницу. Исследователь О.П. Цысь, систематизировав обязанности благочинных, выделил следующие их функции: финансовую, как первейшую (действительно, в фондах благочиний явно преобладают приходно-расходные ведомости); наблюдение за богослужебной деятельностью и делопроизводством духовенства; кадровые вопросы во вверенных округах (назначения, перемещения, аттестации, наказания и пр.); выполнение предписаний духовного начальства в отношении хозяйственных дел прихода; наблюдение за морально-нравственным состоянием прицта [4, с. 146–155].

Часть этих задач решалась способом текущей переписки с приходами (т. е. бюрократическим путем), а часть путем личных ревизионных поездок или, как они тогда чаще всего назывались, «обозрения церквей». Наибольший интерес с точки зрения реконструкции истории сельской приходской жизни в Российской империи представляют именно вторые материалы. Они представлены в архивных фондах рапортами, отчетами благочинных по обозрению церквей и, к сожалению, сохранившимися в малых количествах журналами путешествий. Хотя по своему содержанию все эти разновидности информационных сообщений мало отличались друг от друга.

В пути благочинные проводили много времени и, хотя это зависело от территории округа и удобства дорог, продолжительность поездки в Енисейской епархии составляла не менее двух недель. Благочинный Красноярского округа указывал в 1897 г., что «с переездами по проселочным дорогам, иногда очень утомительным, для обозрения церквей по благочинию употреблено 15 дней. Что в общем даст на каждую церковь 1,82 дня» [5, л. 1].

Предметом внимания благочинных во время поездок по вверенной им территории были сферы церковной жизни,

требующие личного присутствия. Судя по всему, проезд благочинного был неожиданным для приходского батюшки, так как в журналах благочинных встречаются сообщения о том, что по приезде их церковь оказалась закрытой, что священник уехал в город на базар, или что застал пьяным псаломщика. Участие священника во время обследования церкви было обязательным, а часто вместе с ним присутствовал церковный староста. Анализ рапортов по итогам таких ревизий показывает, что благочинных интересовали:

1) храмы: их физическое состояние, внутреннее убранство и церковные земли (прихрамовая территория, кладбища и земельные наделы, выделенные церковному клиру в пользование);

2) церковный клир с самых разнообразных сторон его жизнедеятельности: богослужебная практика, ведение делопроизводства на приходе, материальные нужды, атмосфера взаимоотношений внутри церковной корпорации и пр.;

3) прихожане: общий уровень религиозности, их отношение со священнослужителями, характер проведения церковных праздников и пр.

В данном исследовании представлена информация, относящаяся в первую очередь к отношениям церковного клира и прихожан. Тем более что относительно состояния храмов отчеты выглядят за редким исключением единообразно. Подавляющее большинство рапортов свидетельствует, что «в церкви найдено все в порядке», «из обозренных церквей почти все, в отношении опрятности и благоустройства, имеют отрадный вид» [5, л. 1], «во всех церквях Св. Дары и Св. Миро в достаточном количестве, без оскудения, доброкачественно и сохраняются с должным благоговением и в приличных сосудах» [6, л. 1]. Благополучие по этой части обследований объясняется тем, что активное строительство сельских храмов в Енисейской губернии происходило с середины XIX в., а потому они просто не успели обветшать. Правда, встречается немало жалоб на плохие печи и холод в

храме: «в храме такая стужа, что нельзя руку вынуть из рукава шубы; пока перекрестишься, руки окоченеют» [7, л. 5]. Также довольно частыми были записи о неудовлетворительном состоянии сельских погостов, которые нередко имели плохую ограду, а потому не защищались от вторжения деревенского скота.

Пристальное внимание благочинных было направлено на ведение делопроизводства. Сельские церковнослужители отвечали за надлежащее ведение множества документов: метрических книг, исповедальных росписей, клировых ведомостей, описей церковного имущества и пр. Хотя во всех отчетах указывалось, что «церковное письмоводство ведется удовлетворительно» [8, л. 11], мы встречаем детальные и разнообразные замечания по ведению документов. Весьма частыми из них были расхождения в описях церковного и ризничного имущества (опись и наличествующее имущество не совпадали друг с другом). Причина была в том, что предметы церковной утвари ветшали и выходили из употребления, а новые описи не составлялись.

Другое распространенное нарекание по делопроизводству на приходах: неаккуратное ведение метрических книг и брачных обысков. Как правило, это были неточности и описки в фамилиях: в архивном фонде нам попался объемный рапорт, который состоял исключительно из перечисления описок в актах гражданского состояния всех церквей благочиния, что показывает их распространенность. Надзор властей за метриками был взыскательный: в одном из рапортов 1900 г. благочинный сообщал, что приходской священник, несмотря на строгое предупреждение, продолжает позволять нарекать крещаемых младенцев трудными именами: Кира, Керкира, Елпидифор [9, л. 29].

Немало упреков вызывало небрежное заполнение брачных обысков – обязательного документа для вступления в брак, где указывались полные имена, возраст, сословие и чин, семейное поло-

жение вступающих в брак. Обычно нарушения состояли в неаккуратном заполнении бумаги или отсутствии справок. Но встречается информация о более серьезных проступках: например, благочинный Канского округа пишет о записи брака несовершеннолетних – жениху было только 14 лет и 9 месяцев.

Судя по состоянию текстов отчетов, они внимательно (с карандашом или ручкой) читались правящими архиереями и визировались. Встречаются пометки и даже пространные записи Преосвященных на полях отчетов, которые представляют особый исследовательский интерес. Например, в упомянутом рапорте о незаконном венчании возраст жениха был подчеркнут епископом, что говорит об экстраординарности события. Или в прошении о проведении перевыборов благочинного правящий архиерей в этом отказывал, написав о «бесполезности сей переписки», поддержав тех, кто получил большинство баллов согласно акту. Привлек внимание сигнал благочинного Ачинского округа за 1871 г., где он сообщает, что в одном из приходов «причт сей церкви совершает браки ... большей частью выдавая детей без ведома согласия родителей». Рядом приписка архиерея: «за сим строже наблюдать» [10, л. 42].

Из рапортов благочинных видно, что одним из наиболее тревожащих их явлений была религиозная холодность паствы. В рапорте священника Евгения Угрюмова в 1869 г. засвидетельствовано, что «большая часть прихожан холодны к религиозным своим обязанностям, так что во дни святых праздников, особенно летнею порою, храмы Божии посещаются очень немногими жителями сел и в пост христианский долг исповеди и Святого Причастия исполняется усердно довольно редко, а в большинстве отбывается как некая повинность вследствие настояний со стороны духовенства» [11, л. 24]. Или из рапорта благочинного 3-го участка Красноярского округа владыке Евфимию в феврале 1901 г.: «В религиозном отношении население приходов

стоит на довольно низком уровне развития. Христианский долг исповеди и Святого Причастия ежегодно исполняется далеко не всеми прихожанами. Да и те, кои пребывают на таинстве исповеди и Причастия, более-менее не обнаруживают ни надлежащего благоговения, ни ясного сознания силы и действия таинств» [9, л. 198].

Следует обозначить само понятие религиозности в соответствии с тем смыслом, который вкладывался в него авторами в рассматриваемый нами период. Характерно, что в церковных документах широко употреблялся термин «религиозно-нравственное состояние паствы»: тем самым разделялись понятия нравственности вообще и нравственности религиозной. Второе было более узким понятием и включало в себя следующее: посещение богослужений, исповедование грехов и принятие Святого Причастия, соблюдение заповедей Божиих в повседневной жизни, соблюдение постов и православных праздников, готовность к пожертвованиям на храмовые нужды и содержание клира.

Тенденция охлаждения веры в российском народе в XIX в. достаточно широко представлена в художественной, научной, публицистической и другой литературе. В целом устоялась мысль о поступательности и устойчивости этой тенденции. Однако свидетельства благочинных показывают, что тема народной религиозности оказывалась несколько сложнее и противоречивее. Например, в журналах благочинных об обозрении церквей, где детально характеризуются приходы, находящиеся в территориальной близости друг от друга, оценки религиозности разнятся. В рапорте благочинного по Канскому округу в 1897 г. указывается, что в селе Уринское при Троицкой церкви «религиозность не упадает, а увеличивается» и «храм прихожане посещают в большом количестве». Но в с. Бражное, которое стояло от Уринского всего в 25 верстах, «религиозно-нравственное состояние прихожан нужно сказать не вполне удовлетворительное» [12, л. 8]. Сам автор полагал, что жизнь

на приходе напрямую зависит от энергии и авторитета священника.

Убеждение о приоритетном влиянии практической пастырской деятельности на состояние религиозности прихожан мы находим также в разнообразных документах епископов, которые, например, настаивали на чрезвычайной важности для прихожан священнической проповеди. Обращает на себя внимание, что отсутствие живой проповеди крайне беспокоило церковные власти. В довольно объемной записке 1882 г. по результатам поездки епископа Исаакия по Енисейской епархии владыка написал: «Паства Енисейская мало назидается, проповеди священников недостаточно понятны для простого народа, да и те говорятся, обыкновенно, редко... Живого, согретого любовью, слова паства почти вовсе не слышит» [13, л. 9].

Как следует практически из всех отчетов благочинных, священники предпочитали не собственные проповеди, а читали их из различных церковных изданий. Повсеместно по этой части обследования приходов благочинные свидетельствовали, что «за богослужением собственного составления не произносилось» [14, л. 33]. Впрочем, усилия церковных властей по этой части давали некоторые результаты: к началу XX в. сообщения, что священники используют проповеди собственного сочинения, начали появляться в рапортах.

Высокое значение фигуры пастыря в религиозной жизни крестьянства не вызывает сомнения. Но известная поговорка «каков поп, таков и приход» в реальной приходской жизни действовала не однолинейно. В одном из рапортов благочинного в 1869 г. на неутешительное состояние религиозности епископ Никодим сделал значимую, на наш взгляд, приписку: «это от того, что крестьяне не находят здравых понятий о долге христианском, а сие конечно от того... что не слушают пастыри церковные» [11, л. 24]. Другими словами, не все в деле воспитания религиозной нравственности народа было в руках пастырей. Кроме них сильное влияние на религиозность

оказывали внешние условия жизни крестьянства. И эти негативные внешние воздействия были разнообразны.

В качестве примера можно привести проблему пьянства русских в инородческих районах: на юге в Минусинском и Ачинском уездах, на севере в Туруханском крае. Читая отчеты благочинного Ачинского уезда за 1873 г., где фиксируется состояние каждого селения, встречаешь одни и те же записи: «глубоко развитая склонность к пьянству», «нетрезвость – преобладающий порок», «в праздничные дни шумные разгулы, доходящие до безобразий» [15, л. 109, 111, 112,]. Исследователь Д.В. Аверьянова, отмечая, что пьянство принимало угрожающие размеры среди инородцев Минусинского уезда, пишет: «были и прозаические причины пьянства: близость кабаков, которые содержали русские купцы и которые зная слабость инородцев к вину, спаивали их в коммерческих целях» [16]. То же наблюдалось на севере губернии. В 1913 г. епископ Никон посетил Туруханский край и был поражен тем, что «водкою залит и пропитан весь край» [17, с. 155].

Хотя проблема пьянства обнаруживала себя не только в инородческих районах Енисейской губернии: производство алкоголя в конце XIX в. неуклонно росло и в России, и в том числе в Сибири. В обзоре Енисейской губернии за 1888 г. указывалось, что «в отчетном году винокуренные заводы потребили хлеба более предшествовавшего года на 62.930 пуд» [18, с. 12]. И что хуже – на селе активно развивалось производство домашнего спиртного. В рапорте благочинного 3-го участка Красноярского уезда за 1906 г. встречаем информацию, что в частных домах распространилась открытая торговля водкой и, как пишет автор, этим промыслом стали заниматься даже девицы, приобретая на извлекаемую от продажи выгоду себе наряды. Или как пишет благочинный Канского уезда, «есть одно страшное дело – это распространение тайных винокуренных заводов» [14, л. 34].

Другим внешним фактором, который, по мнению благочинных, оказывал негативное влияние на религиозность крестьянства, называлась близость к городу. Один из священников Енисейского округа объяснял это следующим образом: «в приходах, которые ближе к городу, как например ... (идет перечисление населенных пунктов. – Е.Ш.), можно сказать, что благочестие хотя и развито, но не настолько, причиной чему служит то, что жители сих приходов в праздничные и воскресные дни, которые следовало бы употребить на молитву, удаляются от прихода в Енисейск для сбыта своих продуктов» [19, л. 11]. Кстати, если определить внешние причины, которые, напротив, усиливали религиозность населения, то их благочинные тоже называли. В 1913 г. священник Канского уезда написал, что «за последнее время замечено возрастание числа лиц, совершающих неуклонно свои христианские обязанности», а объясняет это неурожаем последних лет, «грозно напомнившими населению о необходимости упования и молитвы» [7, л. 26].

Очень интересные сведения о проблеме влияния объективных факторов на состояние народной религиозности обнаружилось в отчете благочинного священника за 1897 г. по Красноярскому округу, который цивилизационно был более развит, чем остальные. Так, именно здесь проходил так называемый Московский тракт, появление которого стало одной из причин возвышения Красноярска и упадка Енисейска. Благочинный сообщал, что жители многих деревень, прилегающих к тракту, постепенно забросили свои пашни и стали жить исключительно на заработки от извоза. Однако со строительством железной дороги и открытием пассажирского и товарного движения извозный промысел упал. Благочинный писал, что «материальное положение причтов мною введенного благочиния год от года падает и это прямо зависит от падения материальной обеспеченности прихожан». И далее: «Из тетрадей братских доходов

оказывается, что доходы вообще за последние три года пали почти наполовину» [5, л. 3]. А пишет об этом благочинный опять же в связи с проблемой нетрезвости. В том числе и священников, которые здесь даже пропускали по этой причине богослужения. В ряде отчетов указывается также вредное воздействие на нравственное состояние прихожан содержания ими постоянных дворов (так называемое дворничество), соседство со ссыльными поселенцами, близость золотых приисков.

Таким образом, на религиозность населения влияли цивилизационные факторы: в частности, разложение традиционных аграрных отношений и развивающийся товарно-промышленный уклад. Священник Тимофей Подкопаев пишет в этой связи: «Замечено мною также, что те селения благочиния, где при постройке железной дороги скопились пришлые рабочие, вскоре же подвергались нравственному разложению от соприкосновения с этими «культуртрегерами» худшего качества» [5, л. 8]. В этой цитате удивляет, во-первых, использование столь редкого термина в рапорте сельского благочинного; во-вторых, проницательность автора, который воспользовался немецким словом для обозначения тенденции, которую он описывал. Ведь под культуртрегером понимался человек-колонизатор, скрывающий свои истинные цели под маской распространения культуры и просвещения.

В этой связи представляется, что царская власть в России если не игнорировала, то явно недооценивала проблему народного образования. К.П. Победоносцев, который 25 лет возглавлял Святейший синод, фактически писал о ненужности народной грамотности. В своей статье «Народное просвещение» он утверждал следующее: «иной настаивает на необходимости поселянину знать физику, химию, сельское хозяйство, медицину; иной требует энциклопедию политических наук и правоведение... Но мало кто думает, что отрывая детей от домашнего очага на школьную скамью с такими мудренными целями, мы лишаем родите-

лей и семью рабочей силы, которая необходима для поддержания домашнего хозяйства, а детей развращаем, наводя на них мираж мнимого или фальшивого и отрешенного от жизни знания, подвергая их соблазну мелькающих перед глазами образов суеты и тщеславия» [20].

Представление о том, что крестьяне не видели смысла обучать своих детей грамоте, неверно. Причем, как писали сами благочинные: «сельское население смотрит на министерскую школу (от министерства просвещения. – Е.Ш.) как на школу более высшего типа по сравнению с церковно-приходской». Любопытные цифры на 1893 г. приводит священник 4-го благочиния Канского уезда: «в благочинии 5 церковно-приходских школ против 18 министерских. В церковной обучается 171 мальчик и 93 девочки. В министерских 573 мальчика и 218 девочек. Средним числом выходит, что церковно-приходская школа обслуживает 52 учащихся, а министерская 43» [14, л. 33]. И все же грамотность в деревне была крайне низкой, о чем свидетельствуют протоколы общинных сходов, где расписавшихся («руку приложивших») были лишь единицы.

Неграмотные крестьяне не могли прочесть вечернее или утреннее правило, самостоятельно приготовиться к Причастию, они не могли читать Евангелие, часто устные молитвы были искажены. Многие священники писали, что у крестьян «имеются в обращении, особенно между людьми преклонного возраста, само измышленные молитвы, весьма невысокого достоинства» [9, л. 198]. Необразованность подавляющей части крестьянства была причиной повсеместного распространения суеверий, которые, как писали благочинные, «употребляются при сеянии хлеба, овощей, при охоте на зверя и дичь, очень часто заговоры применяются и как врачебное средство» [9, л. 153].

Безграмотность была одной из серьезнейших причин поверхностной народной религиозности. Это подтверждает в своем отчете 1900 г. благочинный Енисейского уезда: «Знания прихо-

жанами начальных истин веры, заповедей и молитв страдают путанностью понятий и сбивчивостью. Среди подрастающего населения с развитием грамотности в тех селениях и деревнях, которые имеют школы, замечается улучшение в этом направлении» [9, л. 141]. Благочинный Красноярского уезда, рассуждая в рапорте епископу о том, что у прихожан «знание молитв даже начальных, не говоря уже о знаниях христианского вероучения весьма слабое», заключает: «но заслугу и помощь духовенству может оказать ни что иное, как только школа» [9, л. 153]. Благочинный 4-го участка Енисейского уезда написал: «Если кто и знает правильно читать молитвы, то это исключительно только те, которые учились в школах или в домах» [9, л. 160].

Количество школ, особенно министерских, к началу XX в. росло. И все же длительное время по сути единственным институтом в России, который занимался образованием простолюдинов, была Церковь. Решить эту задачу ни материально, ни физически, она не могла, а следовательно, время для развития народного просвещения и образования было упущено. Эту проблему в будущем решили большевики, которые в процессе культурной революции попутно меняли и важнейшие мировоззренческие установки населения страны.

Ревизионные материалы благочинных дают уникальную информацию о наиболее распространенных пороках в народе. О них упоминают в своих отчетах многие священники, которые получали эти сведения, что называется «вживую». Скажем, в 1900 г. благочинный 1-го участка Енисейской губернии перечисляет самые, на его взгляд, распространенные: «пьянство, леность, недоброжелательство, зависть, осуждение ближних, воровство, сквернословие (последний порок у многих обратился в привычку и как таковая не оставляется в присутствие женщин и детей и даже сидя за трапезой)» [9, л. 153]. В том же году благочинный 1-го участка Красноярского уезда говорит о следующих укоренившихся по-

роках: «обманы, ругательство, пьянство, воровство и разврат» [9, л. 100]. Примечательно, что здесь же благочинный пишет: «воздействовать же на них священникам очень трудно, потому что предающиеся этим порокам или совсем не бывают или бывают весьма редко в храме Божиим» и избегают встреч со священником [9, л. 100].

Информация благочинных об участии сельских жителей в богослужениях не кажется нам уникальной, учитывая, что подробные данные о посещениях храма присутствуют в богослужебных журналах (где указывалось число молящихся и причастившихся на каждой службе) и исповедных росписях. Последний документ представлял собой посемейный список всех проживающих на территории прихода (за исключением младенцев менее года), с указанием сведений о посещении ими исповеди и Причастия. Обобщая сведения исповедных росписей, благочинные давали следующие общие оценки: посещение богослужений было неравномерным в зависимости от сезона (в зимнее время молящихся было больше, но с началом весенне-летней страды храмы пустовали); самые массовые службы отмечались в церковные праздники; женщины посещали богослужения чаще, чем мужчины. Здесь вновь уместно отметить высокую достоверность материалов благочинных: в подробном исследовании, проведенном нами по одному из типичных приходов Енисейской губернии, статистически подтверждаются все вышеуказанные оценки богослужебной практики в селах [2].

Ценная информация содержится в исследуемом нами источнике в области взаимоотношений на приходе: во-первых, между клириками, во-вторых, между ними и прихожанами. По большей части отношения эти были миролюбивые. Но разногласия внутри священнослужителей, конечно, были. Как, например, отмечается в одном из текстов: «священник бывает раздражителен и горяч вследствие того, что диакон бывает к нему непочтителен, а псаломщик положительно груб и дерзок» [9, л. 4]. В дан-

ном случае благочинный видит виновниками несогласия обе стороны. Но благочинные в своих рапортах правящему архиерею не отказывались и от персональных характеристик. Например, о настоятеле: «Службы совершает неопустительно (неукоснительно.). В обращении с прихожанами вследствие болезненного состояния – нервности, не ласков и груб, за что прихожанами не любим и пастырского влияния на них не имеет» [21, л. 4]. Могли возникать внутри клира разногласия по финансовым вопросам: например, есть упоминания о недовольстве при разделах братских доходов.

И все же самым распространенным замечанием благочинных было винопитие клириков. Проблема эта требует отдельного рассмотрения, но можно отметить, что она, во-первых, безусловно нарастала. Характерным можно считать отчет по 2-му благочинию Красноярского округа за 1897 г., где священник дает подробную характеристику церковному клиру. Мы посчитали: из девяти священников троих он обвинил в пристрастии к спиртному, а псаломщиков из девяти – четырех [5, л. 4–6]. Во-вторых, это была комплексная проблема, включающая в себя в том числе бесправие сельских священников. Епархиальные власти смотрели на нетрезвость священнослужителей хотя и не без тревоги, но терпимо. Жесткие санкции к таким священнослужителям применялись в крайних случаях: например, при систематическом совершении богослужений в нетрезвом виде. Что следует из ведомостей Енисейской духовной консистории о делах и предосудительных поступках духовенства епархии [2, с. 50].

На основании рапортов благочинных складывается представление о преимущественно миролюбивых, добрых отношениях сельского духовенства и сельчан. Но противоречия присутствовали, и не только личностные, на которые чаще всего указывали благочинные. Так, не всегда отрегулированной процедурой было выделение общинной земли клиру. Порою церкви отводилась земля далеко

не лучшего качества, из-за чего возникали о тяжбы: в 1868 г. в с. Коркино причту Вознесенской церкви землемер отмежевал луга, от коих причт решительно отказался, мотивируя тем, что «эти земли негодны». Конфликт дошел до того, что, когда причт церкви все же воспользовался покосами по своему выбору, коркинцы просто отобрали у него скошенное сено [2, с. 31]. Но это были, конечно, отдельные случаи, а вот на нежелание общинников материально участвовать в содержании приходского имущества, включая жилищные условия для клириков, свидетельств масса. Обращают на себя внимание записи, подобные этой: «Мало покупают свечи. Очень скупы к вознаграждению причту за необязательные требы» [9, л. 53]. Или: «Местные жители к своему храму недостаточно усердны, что доказывается очень редкими и незначительными пожертвованиями с их стороны в его пользу» [9, л. 185].

Недоумение вызывают противоречивые общие оценки народной религиозности в рапортах благочинных. Читаем: «состояние благочестия развито в народе довольно» и рядом – «религиозно-нравственное состояние прихожан малоутешительно». Или у одного и того же автора: «большинство ведут жизнь усердную, но в праздничные дни шумные разгулы, доходящие до безобразия» [15, л. 109]. «В редких приходах, – пишет благочинный в своем путевом журнале, – постится одна треть прихожан, да и из них лишь немногие приобщаются Святых тайн и крови Христовой» [22, л. 50]. И тут же: «Большинство прихожан – люди богобоязненные». Эта амбивалентность так бросается в глаза, что требует объяснения.

Конечно, многое в приходе зависело от пастыря, внешних условий жизни, доходов населения и пр. Например, по тем же свечным доходам в разных церквях одного и того же благочинного участка картина очень разная. Но очевидно, что здесь наблюдаются более сложные процессы. Внешне церковная жизнь была благополучной: росло число церквей, поднимался уровень образова-

ния священников, народ посещал храмы, заботился об их содержании и т. д. Но при этом религиозность немалой части прихожан носила внешний характер: вера становилась привычкой, атрибутом жизни, она не опиралась на глубокое понимание основ христианского вероучения, знание Евангелия. Эти внутренние признаки духовного неблагополучия, конечно, были заметны и многократно описывались. Но открылись они в полной мере в период социальных катаклизмов после февраля 1917 г. Ведь советская власть была не только актором атеистической политики, но и маркером духовного состояния общества. Специально обратились мы к архивному фонду «Помощника Енисейского губернского прокурора по Красноярскому уезду», чтобы определить, с какими ходатайствами обращались в контрольные органы люди в первые годы советской власти, когда уже началось закрытие церквей. Просмотрев жалобы граждан Красноярского уезда на неправильные действия органов следствия и дознания в

1923–1924 гг., мы ни разу не встретили церковной тематики: в основном это жалобы на необоснованные штрафы, на несправедливую конфискацию имущества при неуплате налога, незаконные действия милиции и пр. [2, с. 104–105]. Иными словами, нельзя сказать, что народ грудью стал за свои святыни, в которых нуждался и которые любил.

Заключение. Рапорты благочинных представляют большой интерес для реконструкции событий и явлений церковной и общественной жизни России XIX–XX вв., которые нельзя почерпнуть ни в каких других документах. Безусловная уникальность этого исторического источника во многом определялась ролью и значением должности благочинного. Как поэтично сформулировал свою миссию один из них – священник Канского уезда Алексей Барков: «Благочинному приходится быть и суровым начальником, и знающим руководителем, и благодушным советчиком» [10, л. 26].

Список источников

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 564. (Енисейский архиерейский дом). Оп. 1. Д. 43.
2. ГАКК. Ф. 674. (Енисейская духовная консистория). Оп. 1. Д. 5004.
3. ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 853.
4. ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 1023.
5. ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 1243.
6. ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2336.
7. ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4196.
8. ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4637.
9. ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4727.
10. ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 5004.
11. ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 7518.
12. ГАКК. Ф. 700. (1-ое Благочиние церквей Канского округа). Оп. 1. Д. 19.
13. ГАКК. Ф. 708. (Благочинный 1-го участка) Оп. 1. Д. 29.
14. ГАКК. Ф. 708. Оп. 1. Д. 38.
15. ГАКК. Ф. 824. (Минусинское духовное правление). Оп. 1. Д. 135.
16. Аверьянова Д.В. Духовенство и прихожане Минусинского уезда: борьба за трезвость в Минусинском уезде в конце XIX – начале XX вв. // Genesis: исторические исследования. 2019. № 4. С. 74–84.
17. Витте С.Ю. О современном положении православной церкви // Православный портал Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/russkaja-pravoslavnaia-tserkov-i-gosudarstvo/10_43 (дата обращения: 25.05. 2025).

18. Новак В.Н. Отчеты благочинных как источник по региональной истории России второй половины XIX – начала XX века // Вестник ТвГУ. Сер. «История». 2020. № 4 (56).
19. Обзор Енисейской губернии за 1888 г. Красноярск. 1889.
20. Победоносцев К.П. Народное просвещение // Свободная библиотека Викитека. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Народное_просвещение_\(Победоносцев\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Народное_просвещение_(Победоносцев)) (дата обращения: 02.06.2025).
21. Цысь О.П. Организация управления институтами Русской Православной церкви на Тобольском Севере в XIX – начале XX вв.: очерки истории. Нижневартовск, 2017. 272 с.
22. Шушканова Е.А. Архиерейский дом Красноярска: вехи истории (XIX – начало XXI веков). Красноярск, 2017. 367 с.
23. Шушканова Е.А. Церковь Святой Параскевы села Барабановское Енисейской губернии в контексте сибирской истории (вторая половина XIX – XX вв.). Красноярск, 2019. 146 с.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya (GAKK). F. 564. (Eniseiskii arkhieiskii dom). Op. 1. D. 43.
2. GAKK. F. 674. (Eniseiskaya dukhovnaya konsistoriya). Op. 1. D. 5004.
3. GAKK. F. 674. Op. 1. D. 853.
4. GAKK. F. 674. Op. 1. D. 1023.
5. GAKK. F. 674. Op. 1. D. 1243.
6. GAKK. F. 674. Op. 1. D. 2336.
7. GAKK. F. 674. Op. 1. D. 4196.
8. GAKK. F. 674. Op. 1. D. 4637.
9. GAKK. F. 674. Op. 1. D. 4727.
10. GAKK. F. 674. Op. 1. D. 5004.
11. GAKK. F. 674. Op. 1. D. 7518.
12. GAKK. F. 700. (1-oe Blagochinie tserkvei Kanskogo okruga). Op. 1. D. 19.
13. GAKK. F. 708. (Blagochinnyi 1-go uchastka) Op. 1. D. 29.
14. GAKK. F. 708. Op. 1. D. 38.
15. GAKK. F. 824. (Minusinskoe dukhovnoe pravlenie). Op. 1. D. 135.
16. Aver'yanova D.V. Dukhovenstvo i prikhozhane Minusinskogo uezda: bor'ba za trez-vost' v Minusinskom uezde v kontse XIX – nachale XX vv. // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2019. № 4. S. 74–84.
17. Vitte S.YU. O sovremennom polozhenii pravoslavnoi tserkvi // Pravoslavnyi portal Azbuka very. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/russkaja-pravoslavnaja-tserkov-i-gosudarstvo/10_43 (data obrashcheniya: 25.05. 2025).
18. Novak V.N. Otchety blagochinnykh kak istochnik po regional'noi istorii Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka // Vestnik TVGU. Ser. «IstoriYA». 2020. № 4 (56).
19. Obzor Eniseiskoi gubernii za 1888 g. Krasnoyarsk. 1889.
20. Pobedonostsev K.P. Narodnoe prosveshchenie // Svobodnaya biblioteka Vikiteka. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Narodnoe_prosveshchenie_\(Pobedonostsev\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Narodnoe_prosveshchenie_(Pobedonostsev)) (data obrashcheniya: 02.06.2025).
21. Tsys' O.P. Organizatsiya upravleniya institutami Russkoi Pravoslavnoi tserkvi na Tobol'skom Severe v KHIKH – nachale KHKH vv.: ocherki istorii. Nizhnevartovsk, 2017. 272 s.
22. Shushkanova E.A. Arkhiereiskii dom Krasnoyarska: vekhi istorii (XIX – nachalo XXI vekov). Krasnoyarsk, 2017. 367 s.
23. Shushkanova E.A. Tserkov' Svyatoi Paraskey sela Barabanovskoe Eniseiskoi gu-bernii v kontekste sibirskoi istorii (vtoraya polovina XIX – XX vv.). Krasnoyarsk, 2019. 146 s.

Статья принята к публикации 01.09.2025/
The article has been accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторе:

Елена Александровна Шушканова, доцент кафедры «Философия и социальные науки», кандидат исторических наук, доцент

Information about the authors:

Elena Aleksandrovna Shushkanova, Associate Professor at the Department of Philosophy and Social Sciences at the Institute of Social Engineering, Candidate of Historical Sciences, Docent

